

Виктория Коритнянская

Лошади на войне...

О лошадях на войне писали многие. Помните стихотворение Бориса Слуцкого «Лошади в океане»?

Лошади умеют плавать,
Но – не хорошо. Недалеко.

«Глория» – по-русски – значит «Слава»,
Это вам запомнится легко.

Шел корабль, своим названьем гордый,
Океан стараясь перевозмочь.

В трюме, добрыми мотая мордами,
Тыща лошадей топталась день и ночь.

Тыща лошадей! Подков четыре тыщи!
Счастья все ж они не принесли.

Мина кораблю пробила днище
Далеко-далёко от земли.

Люди сели в лодки, в шлюпки влезли.
Лошади поплыли просто так.

Что ж им было делать, бедным, если
Нету мест на лодках и плотях?

Плыл по океану рыжий остров.
В море в синем остров плыл гнедой.

И сперва казалось – плавать просто,
Океан казался им рекой.

Но не видно у реки той края,
На исходе лошадиных сил

Вдруг заржали кони, возражая
Тем, кто в океане их топил.

Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно покуда не пошли.

Вот и всё. А все-таки мне жаль их –
Рыжих, не увидевших земли.

Или это, Николая Туроверова?*

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы, все время мимо,
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою...
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо.
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

* «Крым». Н. Туроверов, 1940 г.

У Василия Гроссмана есть трогательный рассказ «Дорога» о любви колхозной русской лошадки и мула Джу, привезенного в объятую войной страну из солнечной Италии... Иван Рядченко посвятил «фронтowej хромающей лошадке» Фаре целую поэму. Страстным любителем лошадей был Бабель. Об этом писали, рассказывали многие его современники. «Отчаянным лошадиником» называл его в своих воспоминаниях Виктор Финк. Тамара Иванова вспоминала, что, по собственному определению Исаака Эммануиловича, «лошадиная тема» играла в его жизни большую роль, а Валентина Ходасевич в очерке воспоминаний упоминает о планах Бабеля написать «лошадиный роман». Был ли написан роман – неизвестно, но тема лошади (именно на войне) присутствует во многих конармейских рассказах писателя.

С древних времен лошадь – верный спутник воина. Однако с начала XX века ее место в армии начинает занимать машина. Последней войной, где так массово и активно использовались лошади, была Вторая мировая.

Казалось бы, около двадцати лет прошло после окончания Первой мировой и Гражданской войн в Российской империи, а восприятие, отношение к лошади во время Второй мировой было уже иным. Помните, в рассказе Бабеля «Афонька Бида» (из цикла рассказов «Конармия», в которых отображены отдельные эпизоды боевого пути Первой конной армии во время Гражданской войны в России) с каким сочувствием обсуждали сослуживцы Афонькино горе – смерть его лошади:

«– С дому коня ведет, – сказал длинноусый Биценко, – такого коня – где его найдешь?»

– Конь – он друг, – ответил Орлов.

– Конь – он отец, – вздохнул Биценко, – бесчисленно раз жизнь спасает. Пропать Биде без коня...»

Во времена Второй мировой лошадь уже далеко не друг и не отец (за исключением, возможно, кавалерийских подразделений). Конечно, ржание и фырканье коней, позвякивание уздечек, стук копыт – все еще такие же неперенные звуки передовой, как свист пуль и раскаты взрывов, но... Лошадь уже не на острие атаки, она уже, как правило, где-то сзади: тянет, как пьяная, спотыкаясь, пушчонку или телегу со снарядами, ждет, впряженная

в повозку, раненых у медсанбата, привозит хлёбово к переднему краю... Неотрывная, тесная связь, сроднённость человека с лошадью к этому времени в большинстве своем уже утеряна, к коню возобладало потребительское отношение (виной тому, вероятно, послужили не только существенное снижение в войсках доли кавалерии из-за механизации армии, но и индустриализация, урбанизация и коллективизация советского народа). Поэтому и ранение, смерть лошади во Вторую мировую войну уже зачастую не личное горе и трагедия, а возможность насытиться, и переход в «безлошадные» часто – не позор и бесчестие, а риск потерять тепленькое место повозочного.

Но все равно тема лошади во Второй мировой войне сложна и полна трагизма, потому что, пожалуй, только лошадь вынесла наравне с человеком все военные тяготы и лишения. Мерзла (зимой 41-го под Москвой непривычные к суровым полевым условиям немецкие кони замерзали насмерть десятками за ночь. – **Авт.**) и голодала, изнывала от жажды и падала от усталости, тонула (спастись без помощи человека лошадь, запряженная в повозку или тянувшая орудие, не могла. – **Авт.**), подрывалась на mine, мчалась в атаку, выходила из окружений и умирала на полях сражений...

Считал ли кто-то, сколько погибло лошадей во Вторую мировую войну от пуль и бомбежек? В сети Интернет гуляют разные цифры, но все они, уверена, приблизительны. Потому что были лошади армейские, так сказать, учтенные, были с началом войны реквизированные, были трофейные, найденные, краденые... Кстати, трофейных немецких лошадей – битюгов-тяжеловозов, не любили. Уж очень они были привередливы в еде, боялись мороза, да и по-нашему не понимали...

У лошади на войне, как и у солдата, своя судьба, своя дорога. И кони штабного начальства не чета были полковым лошадам...

Лошадка, лошаденка! Именно так, нежно и ласково, называли солдаты лошадей «простого звания»... Она и терпит все, и словом с ней обмолвиться можно, и ластится, «словно собачонка», и глазом своим смотрит так, как будто «насквозь знает и видит душу своего хозяина». А еще... И из огня вынесет, в холод согреет, в случае опасности предупредит (лошади раньше людей слышали шум приближающихся самолетов, фырка-

ли «громко, по-особому», если видели чужого. – **Авт.**) и воду чистую покажет (хорошо известна требовательность лошадей к чистоте воды. – **Авт.**).

В книге «Молитва за Победу!» представлена статистика войны: «...командир взвода пехоты держался в среднем одну неделю, командир стрелковой роты – около двух недель, танкист – полтора-два боя, летчик – несколько вылетов». Но никто никогда не считал, сколько в среднем жила на войне лошадь.

Во многом это, конечно, зависело от человека. Накормит ли? Напоит, оботрет ли, если в мыле, чтоб не простудилась? Укроет ли на ночь попоной, построит навес? Вовремя подкует, уведет ли подальше во время налета? Но война на то и война, чтобы убивать. И лошади на войне гибли... «Вздувшееся брюхо мертвой лошади», «раздувшиеся крупы лошадей на дорогах», «разложившиеся трупы лошадей с оторванными или торчащими вверх ногами» – практически в каждом произведении о войне встречаются такого рода упоминания. И один из участников боев на Восточном фронте, командир противотанкового расчета Готтлоб Бидерман, позднее напишет, что сопровождавшее их (наступавших немецких солдат. – **Авт.**) на всем протяжении пути зловоние от останков лошадей «всегда будет напоминать о «советском рае», куда мы все больше и больше углублялись».

А еще лошадь на войне – еда... И раненная лошадь для одних – «несчастное и обреченное животное», для других была всего лишь «кусками свежего мяса». Набить животы «свеженькой конинкой» солдаты готовы были даже под взрывами бомб, а скорость, с которой они разделявали лошадиную тушу, равнялась нескольким минутам (или длительности телефонного разговора со штабом)... Из лошадиного мяса готовили на передовой махан*, иногда его жарили...

Ели лошадей и немцы, правда, уже ближе к концу войны. В частности, солдаты окруженной под Сталинградом 6-й армии вермахта ненадолго смогли улучшить свое продовольственное снабжение, забив четыре тысячи лошадей, принадлежавших румынской кавалерийской дивизии...

* Вареное мясо убитых лошадей.

А кто знает, скольким советским военнопленным лошадь, не ведая, продлила или спасла жизнь? Очевидцы рассказывали, как бросались пить «не успевшую впитаться в грунт лошадиную мочу» шедшие в колонне и изнывавшие от жажды пленные красноармейцы и как крошечный, добытый в смертельном бою кусок лошадиного мяса в лагере был единственной надеждой на спасение от голодной смерти.

Но лошадей в войну убивали, не только чтобы утолить голод.

...По дороге –
треск военных повозок.
Гонят коней
без криков,
молча:
приказ – отступить.
На склонах гор
уже стучат
немецкие автоматы.
Вдруг – затор.
Лошади сбились, в пене, храпят,
постромки запутались, рвутся...
Застрелить коней,
колеса, обломки – в канаву!*

Лошадей убивали, чтобы те не достались врагу. Подобные случаи известны как со стороны советских, так и со стороны немецких войск. В частности, командующий 28-й добровольческой дивизией СС «Валлония» Леон Дегрелль вспоминает: «Перед нами находились две русские кавалерийские части (окруженные под Полтавой. – **Авт.**). Казаки любят своих коней, малорослых, резвых, с быстрым взглядом, полудиких, ноздри которых всегда ловят запахи сухой степи. Казаки не захотели, чтобы их кони стали добычей победителя. Тысячами они загнали их в долину, где каждый застрелил своего боевого спутника: более двенадцати тысяч лошадиных трупов лежали один на другом в страшных кучах». И Александр Горбатов в воспоминаниях военных лет пишет:

* Из: «Зов». М. Панов, 1973 г.

«...когда корпус генерала Уборевича вышел к заливу Фришес-Хафф...», на его берегу «...у коновязей лежали тысячи лошадей, убитых гитлеровцами при отступлении».

И хоронили лошадей последними... Правда, бывало, особенно в начале войны, что и после смерти не расставались лошади с людьми – делили с павшими в бою солдатами братские могилы. В воспоминаниях участников сражений на Восточном фронте описаны случаи обнаружения таких захоронений.

После Второй мировой войны лошадь из армии практически исчезла... Да, на них еще выезжали на парады, да, они все еще тянули иногда лафеты с гробами умерших военачальников, но массово – увы... Вместо лошади в армии стала «служить» машина. В связи с этим Н. Щербатюк 1941 года рождения вспоминал: «А в пятьдесят втором году в военторге, так называли у нас магазин на Преображенской, появилась вдруг колбаса... И все удивлялись, а оказалось, что это армия переходит с конной тяги на машинную, и всех лошадей – они стали больше не нужны – пустили на колбасу...».

Есть памятник собаке на войне, но не знаю, есть ли памятник лошади. И осмыслен ли в полной мере подвиг, который она совершила?

Лошади старались, как умели,
вынесли героев не за страх,
чтоб герои в песнях прогремели, –
только не споют о лошадях...**

В наше время в войне России против Украины лошади не воюют. Наоборот, их спасают, рискуя жизнью, вывозят в тыл... Значит ли это, что мир стал лучше, а люди гуманнее? Хочется надеяться, что да...

При написании очерка использованы воспоминания Н. Щербатюка (записала В. Коритнянская, г. Одесса, 2021 г.), Г. Литинского «Под Витебском. Дневник отца» (из книги «Как мы пережили войну. Народные истории», 2016), И. Сапунова «Разве можно рассказать о войне?»

** Из: М. Щербаков. «Человек судьбой своей играет», 1980 г.

(из книги «Истории, которые останутся с нами...», 2021), а также литературные источники: В. Адам, «Воспоминания адъютанта Паулюса» (Русич, 2011), Н.М. Амосов, «ППГ-2266, или Записки полевого хирурга» (Радянський письменник, 1975), Г. Бидерман, «В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. 1941-1945» (2005), Б. Витман, «Шпион, которому изменила Родина» (Элко-С, 1993), А. Горбатов, «Годы и войны. Записки командарма. 1941-1945» (ЗАО Центрполиграф, 2008), Л. Дегрелль, «Любимец Гитлера. Русская кампания глазами генерала СС» (2013), Ф. Искандер и др. «И. Бабель: Воспоминания современников» (Советский писатель, 1972), Х. Киллиан, «В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте. 1941-1943» (Центрполиграф, 2005), Серафима, игумения, «Молитва за Победу. Церковь в Великой Отечественной войне» (Друк, 2006), К. Симонов, «Разные дни войны. Дневник писателя. 1942-1945 годы» (Грифон, 2005), А. Шумилин, «Ванька-ротный. Дневник солдата» (Litres, 2016) и др.

